

образования и критерием соответствия качества образования требованиям современной инновационной экономики.

Кроме того, в современных системах высшего образования постсоветских стран наблюдается ряд тенденций, связанных с переходом к рыночным принципам организации экономики. Во-первых, к ним относится коммерциализация образования – привнесение в организацию образования принципов рыночной экономики и конкуренции. В этих условиях государство перестает быть единственным институтом, определяющим развитие образования. Высшее образование становится пространством столкновения интересов многих субъектов: государства, руководства предприятий, студентов, их родителей, руководства вузов. В этих условиях чрезвычайно важным является достижение баланса интересов всех субъектов, т.к. это способствует стабильному развитию института образования. Во-вторых, присоединение к Болонскому процессу, которое, с одной стороны, ведет к коренным преобразованиям в высшем образовании, с другой – угрожает потерей существующих в постсоветских странах образовательных традиций, позволяющих готовить квалифицированных специалистов в определенных областях.

Образование требует все более гибких и оперативных методов управления с ориентацией на долгосрочную перспективу и опорой на «обратную связь», саморефлексию.

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ: РАМКИ АНАЛИЗА...

П.С. Лемещенко, д. э. н., профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

При всех сложностях и трудностях, которые выпали на долю населения и новаторов классической политической экономии, все же основу предмета первой научной картины мира составлял человек и соответствующая система производственных отношений и в целом «отношений общения». Именно это и предопределило в дальнейшем поиск и стратегию социально-экономического развития, его формы, механизмы, ограничения и защиту. Такой методологический подход, собственно, себя оправдал, о чем свидетельствует бурное развитие производительного капитала на промышленной основе.

Но в последующем проблема *развития* незаметно и в силу разных *обстоятельств (!)* заменилась теориями экономического роста, что, однако, является всего лишь *частным случаем* фундаментальной эволюционной теории. Последняя, к сожалению, за последние сто лет не обеспечила заметного прорыва в своей эволюции, где наиболее активно и плодотворно проявили себя лишь *узко-прикладные* статично-функциональные концепции и микро-, макромоделли. Однако отход экономистов от *проблем социального развития*, и методологическая причина здесь занимает доминирующую позицию, вовсе не избавил мировую и национальную экономики от нарастающих как снежный ком острых вопросов

хозяйственной практики. Скорее наоборот – события конца XX начала XXI вв. обусловили не просто актуализацию поиска и обсуждения всевозможных концептуальных аспектов развития, а через определенные международные институты в национальные политико-экономические стратегии стран и регионов встраивается идея *устойчивого развития*. Здесь, с одной стороны, проявляется как бы благородная инициатива заботы о национальных государствах, потерявших в хаосе XXI века контуры развития, а с другой – предлагаемая концепция устойчивого развития имеет весьма жесткие параметры условий, механизмов, темпов, политико-экономических форм.

Очередным идеологическим мифом явилось утверждение о том, что *переход к рынку автоматически* обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Население и политики весьма доверительно приняли этот тезис, хотя хозяйственная практика своими крайне скромными результатами рыночных реформ заставила все-таки продолжить осмысление проводимых изменений, но уже в рамках очередной «модернизации» в России и нового витка либерализации и приватизации в Беларуси.

Но если и принять во внимание это примитивно толкуемое утверждение – рынок может все и сделает это автоматически, то все-таки *оно абсолютно не является достаточным*. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких теориях развития, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали *порочный круг*: бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная и инновационная активность → технологическая патриархальность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность.

К сожалению, и очередной общий кризис это показал явственно и убедительно, сама экономическая наука должна осознать свои методологические «слабости» и теоретико-модельные «прегрешения», чтобы на новом витке эволюции представить хотя бы в общем виде очередную политико-экономическую картину мира. Собственно, это фундаментальная проблема для поиска стратегии развития мир-экономики в целом и отдельных стран в частности. Как показывают современные разработки, экономический рост, за который так борются политики и политика, далеко не решает всех проблем. Иногда он их даже усугубляет. Например, в нашем случае, когда очень ограничены рынки сбыта для наших традиционных товаров, в результате чего возник, можно сказать, кризис сбыта. К тому же надо учитывать крайне устаревшую и изношенную физически технико-технологическую базу, не позволяющую уже производить конкурентную продукцию для современного рыночного пространства. Также мало что значат даже глубоко математизированные, но более частные проблемы.

Каким-то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практи-

ческий интерес и к трудам К. Маркса, в частности, к «Капиталу». Востребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, предмет которых как раз таки и фокусирует внимание на поиске онтологических и гносеологических источников, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования деятельности субъектов. Эти научные дисциплины по своей исходной основе дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень-то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит – истинное богатство или же транзакционные издержки, и обосновать *зарабатываемость* получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы. Однако, подчеркнем, что крупнейшей *социальной инновацией* середины 20-го века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. *Сложная норма поведения*, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта, и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, распространение идей которой выстраивало соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали его успех или неудачи, иначе стал оцениваться бизнес.

Таким образом, анализ литературы по экономическому росту и инновациям обнаруживает, во-первых, то, что инновационная тематика, пытающаяся заменить действительную проблему *развития*, очень мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в разного рода работах эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить *единую* целостную технологичную картину и, следовательно, программу инновационной политики, ориентированной на развитие. А разнородные новации могут противоречить друг другу, не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости. Во-вторых, люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (термин П. Друкера), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах. Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. В-третьих, нет и книг (почти нет) на эту тему. Они, как бы парадоксально

это ни выглядело, не востребованы тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки.

Серьезная ошибка исследователей в области экономической истории теории заключается в том, что они ведущим фактором экономического роста считают ресурсы и инвестиции. На самом деле, ключевым условием развития и роста является *институциональная структура и ее воздействие на стимулы не только к изобретениям и инновациям, но и к более эффективной организации производственного процесса, к уменьшению транзакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, и главное, к совершенствованию этих стимулов*. При таком подходе мы можем и не знать, как конкретно достичь желаемых результатов, однако мы можем правильно подойти к разгадке, почему все же нам не удастся этого сделать.

Институты выполняют роль «несущей конструкции» любого общественно-экономического образования, и с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение. Поэтому как *устройство, так и изменение, совершенствование* социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к *институциональному устройству*. Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением *особых институтов*, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. Ведь нации конкурируют в основном в выборе альтернативных институтов или стратегии для стимулирования более быстрого экономического роста и повышения жизненного уровня... Конкуренентоспособными, как показывает практика, являются те нации, которые выбирают институты и политику, способствующие долгосрочной стратегии развития. Но последнее требует весьма тщательного отбора приоритетов и разного рода показателей, учитывающих разные временные лаги в реализации стратегии.

Важной методологической установкой для выяснения проблем развития представляет категория транзакционных издержек и институциональная динамика. Эти две позиции связаны между собой, хотя имеют и самостоятельное значение. Экономическое развитие и рост в определенных институциональных условиях – это, прежде всего, результат расширения такой кооперации и обмена, при которых транзакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках «благодаря» разрушению (стихийному или целенаправленному) старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, поскольку *социальный капитал* системы разрушился, а «плотность экономического поля» резко снизилась. Новые же институты для своего создания требуют часто довольно значительных затрат времени, равно как и затрат материальных. Иначе говоря, рынок кто-то должен оплачивать. Отдача же от новой системы институтов имеет свой временной лаг. Последние также далеко не всегда «несут» условия именно для развития всей нации, а не для узкой группы населения или отдельного сословия, политической элиты, извлекающей политическую ренту.